

Тем временем Рей Фуруя, уверявший А-Эра, будто отправляется на очередное задание, добирался совсем в другой край.

Это был крошечный, глухой деревенский пятачок, затерянный в такой глуши, что его не отмечали даже на подробных картах. Не будь это сном, Фуруе наверняка пришлось бы потратить годы, чтобы просто отыскать его след.

В деревне не знали, что такое интернет; местные вели натуральное хозяйство и жили тем, что давала земля. Лишь раз в месяц один-два человека выбирались в город за припасами, тратя на эту дорогу целый день.

Дорога к деревне изобиловала ухабами и рытвинами, петляя сквозь заросли дикой травы. Стебли вымахали выше человеческого роста, превратив округу в природный лабиринт, где невозможно оставить хоть какой-то ориентир. Фуруя долго плутал в этой зелёной чаще, прежде чем выбрался к жилым домам. Разумеется, привело его сюда вовсе не желание насладиться сельскими пейзажами. Он явился на встречу.

Его собеседнику на вид было лет сорок-пятьдесят. Измождённый, с глубокими залысинами и до срока поседевшими висками, он выглядел куда старше своих лет. Из-за пугающей худобы казалось, будто под кожей у него не осталось ничего, кроме сухих, обтянутых жёлтой кожей костей.

Выслушав Фурую, мужчина долго молчал. В конце концов он тяжело, но как-то облегчённо вздохнул, будто давно ждал этого дня.

— Я расскажу всё, что знаю, — тихо произнёс он.

Чарльз Джеймс родился в крошечном государстве, раздираемом бесконечной войной. Единственное, что он затвердил с младенчества, были крики матери: «Беги! Скорее беги!»

И он бежал. Мимо трупов с застывшими, уставившимися в пустоту глазами, мимо убитых братьев и сестёр, мимо рушащихся под артобстрелами стен. Бежал, чтобы выжить.

Ему везло — раз за разом он умудрялся обгонять самую смерть. Хотя прекрасно понимал: рано или поздно его черёд настанет, и он так же ляжет в обугленную землю, оглашаемую стонами и рыданиями выживших. Но фортуна упорно хранила его. Судьба преподнесла ему щедрый подарок, за который, как водится, заранее назначила непомерную цену.

На пороге их полуразрушенного дома появился дальний родственник — двоюродный брат матери. Когда-то давно он задолжал ей услугу. Теперь он планировал бежать из страны и решил вернуть старый долг, забрав их с собой.

Счастью Чарльза и его матери не было предела, но в пути их настиг кошмар. Чтобы прорваться к границе, кто-то должен был отвлечь преследовавших их вооружённых мародёров. Разумеется, рисковать собой проводник не собирался. Выбор стоял между матерью и сыном. Возможно, именно ради этой жертвы кузен и разыскал их в последний момент.

Мать дрожала всем телом, словно белый кролик в руках голодных беженцев. Её расширенные от ужаса глаза покраснели от слёз, напоминая спелые гранатовые зёрна. Внезапно она с силой толкнула сына в объятия кузена. Последнее, что он услышал от неё в этой жизни, был истошный крик: «Беги! Беги и не смей оглядываться!»

Оставив позади истерзанную войной родину, мальчик получил новые документы и имя — Чарльз Джеймс. Своё настоящее имя он напрочь позабыл: стоило прозвучать материнскому приказу бежать, как всё его прошлое осталось лежать в той пыли. Когда кузен умер от тяжёлой болезни, оборвалась последняя ниточка, связывавшая Чарльза с его прежней жизнью.

Он не умел ничего, кроме как прятаться, притворяться мёртвым и стрелять. Его единственным стремлением было выжить — выжить любой ценой и устроиться как можно теплее. Вступление в Черную организацию стало закономерным шагом. Путь оказался тернистым, но в итоге он получил всё, о чём раньше не смел и мечтать: сытую жизнь и уважение поделщиков. Так продолжалось до тех пор, пока они с напарниками не получили приказ устранить Джина.

— Это случилось около двадцати лет назад, зимой. Мы выследили, где живёт Джин. Наша Организация давно вела с ним войну. С виду он казался обычным холодным полукровкой, но на деле... На деле это был оживший мертвец, законченный психопат. За пару лет до этого мы столкнулись с его старшим сыном. Ни один нормальный отец не потащит с собой шестилетнего ребёнка на мокрое дело. Но Джин потащил. Этот ублюдок ни перед чем не останавливался.

— Видимо, ему претила мысль оставлять мальчишку одного в четырёх стенах, вот он и таскал его за собой на расправы. Безумие чистой воды! Но самое страшное, что его старший тоже не был нормальным. Совсем ещё зелёный пацан, от которого пахло молоком, а смотрел так, будто смерть и кровь — самые обыденные вещи на свете. Порой, завидев добычу, он скалился в предвкушении, точно молодой волчонок.

— Потом старший парень перестал светиться на заданиях. Мы навели справки и узнали, что у Джина родился второй ребёнок. Теперь первенец сидел дома и присматривал за младшим, а папаша мог со спокойной душой уходить на охоту. Больные ублюдки.

— Наш план был прост: дожидаться, пока Джин уйдёт на дело, ворваться в его дом и похитить младшего ребёнка. Малыш подходил идеально. Всё-таки родная кровь, и Джин, при всей своей дикости, вряд ли бросил бы его на произвол судьбы. Отличный заложник, чтобы диктовать условия. Мы просчитали сотни вариантов развития событий, но то, что случилось дальше, не привиделось бы нам и в кошмарном сне.

До сих пор хранивший молчание Рей Фуруя нахмурился:

— Он кого-то убил?

— Нет. Мальчик оказался до крайности хилым. Мы притащили его на базу, забыли закрыть окно, и он тут же свалился с жаром.

— Тогда почему?..

Мужчина съёжился в старом кресле. Хотя в его селе стояла мягкая осень, он непрерывно дрожал, кутаясь в толстую куртку и напоминая огромный, нелепый ком. Огонь в камине бросал неровные блики на его бледное, застывшее лицо. Но стоило ему заговорить о младшем сыне Джина, как в его тусклых, мёртвых глазах вспыхнул такой яростный свет, что затмил собой пляшущие языки пламени.

— Бывают вещи, которые притягивают взгляд сами по себе, словно яркий луч во тьме. Тот ребёнок был подобен чёрному омуту — он затянул нас в водоворот своего безумия, безжалостно перемалывая наши разум и волю. Мы перестали контролировать себя.

— Он играл нашими чувствами, как на послушном инструменте, и жадно впитывал всё, что видел. Он учился у нас, копировал наши повадки, рос, питаясь нашими пороками. В какой-то момент один из наших парней на секунду пришёл в себя или, наоборот, окончательно спятил от этого наваждения. Он выхватил ствол, собираясь разрядить его в мальчишку. И тогда этот ребёнок... который за всё время плена не проронил ни звука и казался безучастным ко всему... вдруг рассмеялся.

— Он смеялся искренне, будто увидел забавное представление. Это была неописуемо прекрасная, завораживающая и одновременно леденящая душу улыбка. Мальчишка не ведал страха перед болью или смертью. Даже когда ему проломили голову и сломали руку, он продолжал улыбаться сквозь капли собственной крови. Наш ужас, наша одержимость, ярость и отчаяние служили для него изысканным лакомством. Он буквально пожирал наши души, истязая разум каждого из нас.

— Спустя три дня — безумно долгих и пролетевших как один миг — явился старший брат. Двенадцатилетний щенок в одиночку вырезал всю нашу банду. Он действовал так хладнокровно и расчетливо, что у меня до сих пор мороз идёт по коже, стоит вспомнить ту бойню. Тяжёлый, липкий запах крови вьелся мне под кожу на всю жизнь.

— Этот малолетний палач, весь перепачканный в крови, забрал своего младшего братца-демона и ушёл. Единственной его ошибкой было то, что он не проверил, все ли мертвы. Я поймал пулю в плечо и затаился под горой трупов. Перед самым уходом младший обернулся. Его жуткие, дьявольски красивые глаза малинового цвета уставились прямо на меня. В тот миг перед моим мысленным взором возникло заплаканное лицо матери, шептавшей: «Беги!» Я лежал ни жив ни мёртв, боясь даже вздохнуть. А мальчишка лишь приложил палец к губам, призывая к молчанию, улыбнулся и скрылся в темноте.

— И снова мне повезло сбежать. Я твёрдо решил оборвать все связи с Черной организацией.

Официально меня признали погибшим в той резне, а я взял имя Чарльз Джеймс и укрылся в этой глуши, став самым обычным обывателем.

— После смерти кузена мне казалось, что я окончательно похоронил своё прошлое. Я годами не видел во сне маму. Но взгляд того чертёнка... он вывернул меня наизнанку. Словно меня привязали к машине и поволокли по раскалённому асфальту, обнажая всю мою гнилую, трусливую суть. Я осознал, какое я ничтожество. С тех пор кошмары вернулись. Я просыпаюсь среди ночи, исхожу слезами и желчью, задыхаясь от рвоты перед унитазом.

Он снова превратился в напуганного до смерти ребёнка, способного лишь скулить и звать маму. Но её черты давно стёрлись из его памяти, уступив место призрачному образу розовоглазого мальчика — невесомому, но давящему на плечи могильной плитой.

«Господи, если это кара за то, что я бросил мать, предал память и сбежал из родных краёв...»

— Его взгляд преследует меня. Будто он шепчет: «Беги дальше, прячься глубже, пока никто не сможет тебя отыскать». Каждую ночь я вижу его мягкие волосы, его манящие глаза и эту улыбку. Избавиться от этого видения невозможно, как и от крика матери. Я одновременно ненавижу его и жду этой встречи. Из дня в день я задаюсь вопросом: удалось ли мне спастись? Или я подох ещё тогда, под грудой остывающих тел, а вся моя жизнь — лишь затянувшийся предсмертный бред? Я влачу жалкое существование, трясясь от каждого шороха, словно проживаю свой последний день. Я хочу бежать... Но куда мне бежать теперь?

— Мне неизвестно, кто ты и зачем разыскал меня. Но я искренне благодарен тебе за этот визит.

Мужчина слабо улыбнулся и достал старый пистолет — тот самый, что остался у него после неудавшегося налёта. Все эти годы он бережно чистил и смазывал оружие по какой-то неведомой ему самому причине. Его амбиции, его надежды и спокойная жизнь разбились вдребезги ещё в ту холодную зиму.

Теперь он наконец осознал, для чего хранил этот ствол.

Вновь взглянув на Рея Фурую, мужчина улыбнулся, уверенным жестом засунул дуло глубоко в рот и нажал на спуск.

Сухой, хлёсткий хлопок разорвал тишину комнаты.

Кошмар наконец закончился. С освобождением.

<http://bllate.org/book/18335/1760488>